

Уточнение местоположения упомянутых замков важно также для изучения древнебалтской, древнелитовской территориальной структуры «земли», в том числе и пока еще проблематической земли Каршува⁸³, где в бассейнах рек Юра и Акмяна прослеживается уже с V в. преобладание культуры.

А. И. Сидоров

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ИЗУЧЕНИЯ «ИЗБОРНИКА СВЯТОСЛАВА 1073 Г.»

«Изборник Святослава 1073 г.», хронологически вторая из известных нам древнерусских книг, пользовался и пользуется заслуженным вниманием исследователей. Библиография трудов, посвященных или затрагивающих данный памятник, насчитывает более 130 названий¹. Но известно, что «Изборник Святослава» является переводом с древнегреческого, входя тем самым в преобладающую категорию произведений нашей древней письменности². Если же обратиться к библиографическому списку литературы об «Изборнике», то в нем можно с трудом насчитать два или три десятка исследований, соотносящих указанный памятник с византийским материалом. Подобная диспропорция бросается в глаза и отражает тот факт, что «Изборником Святослава» занимались преимущественно специалисты по древнерусской филологии и истории древнерусской культуры; внимание же византиноведов он привлекал весьма редко. На то имеются чисто объективные основания: греческий протограф «Изборника» полностью еще не издавался. В начавшемся, но прерванном издании 1884 г. дается чуть более четверти текста и только по одной греческой рукописи³. Свою роль в указанной диспропорции сыграл и субъективный фактор — плохое знание некоторыми славистами древнегреческого языка.

⁸³ PD, III, 83 — terra Carsovie; SZM, p. 199—202 и карта; *Łowmiański H. Studja...*, t. II, s. 77—88, 100—102; *Паушто В. Т.* Указ. соч., с. 334 и карта 2. Установленную по письменным источникам ее территорию пересекает теперь предполагаемая (по археологическим данным) южная граница территории жемайтов (LAA. Vilnius, 1977, t. III, p. 16 и карта N 9; Lietuvos archeologija. Vilnius, 1984, [t.] 3, p. 3 — A. Tautavičius).

¹ *Бегунов Ю. К.* Выборочный библиографический список литературы об Изборнике 1073 г. — В кн.: Изборник Святослава 1073 г.: Научный аппарат факсимильного издания. М., 1983, с. 75—79.

² *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV вв. Л., 1978, с. 3.

³ Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. с греческим и латинским текстами/С предисл. Е. В. Барсова и запискою А. Л. Дювернуа. М., 1884.

В чисто методическом плане, безусловно, возможно изучение произведения переводной литературы вне связи с его оригиналом, ибо с момента перевода памятник начинает жить своей особой жизнью в ином историко-культурном контексте; он как бы получает второе рождение, и пуговина, связывающая его с материнским лоном оригинала, обрывается. Однако полное забвение некогда существовавшей пуговины грозит исследователям, занимающимся изучением подобного рода произведений, многими неприятностями, начиная от «культурологической близорукости» и кончая допущением фактических ошибок. Поэтому, думается, что подлинно адекватное понимание переводных сочинений достигается лишь посредством сравнительно-типологического метода, т. е. изучением их в непосредственной связи и в сравнении с оригиналом.

«Изборник Святослава», вероятно, следует отнести к жанру флорилегиев, получивших большое распространение в Византии. Первоначально в этом жанре преобладали догматические флорилегии, возникшие в период тринитарных и особенно христологических споров⁴; они содержали главным образом выдержки из Библии и произведений отцов церкви, подобранных по конкретной богословской теме. Классическим образцом такого рода флорилегиев служит «Учение отцов о воплощении Слова» (конец VII — начало VIII в.) — своего рода христологическая энциклопедия⁵. Со временем же получили хождение и сборники более широкого содержания, в которые вошли тексты не только догматического, но и философского, естественнонаучного и исторического характера. Наш «Изборник» и представляет такую разновидность жанра флорилегиев. Большую часть «Изборника» занимают «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита, автора, кстати сказать, мало изученного не только в отечественной, но и в зарубежной историографии. Критического издания этого сочинения пока не существует, но оно, вероятно, появится в скором времени благодаря трудам К. Х. Утеманна⁶. Специфичной чертой «Вопросов и ответов» Анастасия Синаита представляется та, что преобладающую часть объема их занимает опять же флорилегий, который, как предполагает М. Ришар, принадлежит не самому Анастасию, но другому (анонимному) автору⁷. Поэтому «Изборник Святослава», будучи сам флорилегием, включает в себя еще один флорилегий.

Именно подобная пестрота памятника ставит перед исследователями ряд сложных проблем. Их условно можно разделить на два основных вида. К первому относятся проблемы, связанные с, так сказать, «синтетическим аспектом» изучения «Изборника». Несмот-

⁴ Schermann Th. Die Geschichte der dogmatischen⁵ Florilegien vom V—VIII Jahrhundert. Leipzig, 1904; Richard M. Opera Minora. Turnhout; Brepols, 1976, N 3, p. 721—748.

⁵ Doctrina Patrum de Incarnatione Verbi/Hrsg. von F. Diekamp. Münster, 1907.

⁶ Утеманн недавно издал второе основное произведение Анастасия Синаита — «Путеводитель» (Anastasii Sinaitae Viae Dux/Ed. K.-H. Uthemann. Turnhout, 1981).

⁷ Richard M. Op. cit., N 64, p. 39—56.

ря на полиморфность своего состава, он может и должен рассматриваться как целостное произведение. Поэтому возникает необходимость выявления тех главных идей, которыми руководствовался составитель этой антологии в подборе своего материала, и определение ведущих мировоззренческих интенций его. Данная задача, естественно, невыполнима без тщательного исследования греческого протографа (вернее, протографов). Решение ее позволит более ясно и точно представить место и значение «Изборника» в системе древнерусской культуры. Но нельзя представить место и значение этого произведения в истории нашей культуры без сравнения с аналогичными сочинениями в рамках византийской культуры. Поэтому проблемы «синтетического» изучения «Изборника» могут найти свое адекватное решение только путем применения сравнительно-типологического метода.

Ко второму виду проблем относятся проблемы, так сказать, «аналитического» типа. Их можно подразделить, в свою очередь, на два подвида. Условно назовем их: 1) проблемы «формального» и 2) проблемы «содержательного» характера. Первый подвид включает в себя вопросы, касающиеся идентификации многочисленных авторов, вошедших в «Изборник», и установления подлинности их текстов. Здесь необходимо сказать, что большая подготовительная работа в этом плане уже проделана. Результаты ее суммируются Л. П. Жуковской⁸. Автор статьи совершенно справедливо указывает на связь анонимности средневековой культуры с культом авторитетов, которая ставит перед современными учеными весьма сложную проблему псевдоавторства⁹. В применении к «Изборнику» данная проблема, несомненно, актуальна. Укажу три примера.

В «Изборнике» (л. 60-в — 62-б) наличествует достаточно большой отрывок, надписанный «Иосифово, от Макавей». По своему содержанию он не имеет ничего общего ни с одной из трех канонических «Книг Макавейских» — сочинениями, как известно, чисто исторического характера. Фрагмент же представляет выдержку из философско-этического трактата, где ставится проблема владычества разума над страстями; анализируются разновидности страстей (πρῶται παθῶν ἰδέαι)¹⁰; фигурирует знаменитый тезис, получивший широкое распространение в античной и византийской культурах, что «мудрость есть знание вещей божественных и человеческих» (σοφία δὲ ἐστὶ γνῶσις θεῶν τὰ καὶ ἀνθρώπων πραγμάτων) и т. д. Жуковская замечает, что «одна из трех „Книг Макавейских“ представлена через имя Иосифа (?)»¹¹. Можно внести коррективу в это утверждение: фрагмент, представленный в «Изборнике», позаимствован из произведения «О самодержавном разуме» (Περὶ αὐτοκράτορος λογισμοῦ), или из так называемой «Четвертой книги Макавейской», которую

⁸ Жуковская Л. П. Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. — В кн.: Изборник Святослава 1073 г.: Научный аппарат факсимильного издания, с. 31—40.

⁹ Там же, с. 31.

¹⁰ Греческий текст приводится по изданию: Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. ..., с. 151—154.

¹¹ Жуковская Л. П. Указ. соч., с. 35.

многие христианские писатели приписывали известному иудейскому историку Иосифу Флавию, но которая не принадлежит ему ¹².

Данное произведение входит в группу так называемых «апокрифических и псевдоэпиграфических сочинений Ветхого Завета», которые наряду с переводом «Семидесяти толковников» («Септуагинтой»), трудами Филона Александрийского и Иосифа Флавия представляют литературу эллинистического иудаизма. От этой некогда обширной литературы до нас дошла незначительная часть, ибо получивший позднее преобладание талмудистский иудаизм либо прямо уничтожал подобного рода литературу, либо просто пренебрегал ею — его партикуляризму был чужд «дух универсализма», присущий эллинистическому иудаизму. Указанные же сочинения сохранились благодаря христианской церкви, ибо здесь они высоко ценились и активно читались. Именно поэтому отрывок из «Четвертой книги Маккавейской», о которой с похвалой отзывались такие известные отцы церкви, как Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Амвросий и др., и вошел в «Изборник Святослава». Само это произведение написано в I в. н. э. неким антиохийским иудеем, получившим прекрасное эллинское образование и сведущим в греческой философии ¹³. А. Ральфс включил данную книгу в свое издание «Септуагинты», и сличение текстов показывает, что фрагмент в «Изборнике Святослава» позаимствован (при наличии сокращений и разночтений) из начала произведения, представляющего как бы философский зачин его, за которым следует иллюстрация мировоззренческих тезисов автора примерами из иудейской истории ¹⁴.

Второй пример: на листах 9-г — 15-б «Изборника» представлена большая выдержка, озаглавленная «Иоустина философа о том, еже о правей вере». Жуковская приводит данное заглавие без всяких комментариев. Однако в патрологической науке давно установлено, что сочинение «Изложение правой веры» не принадлежит христианскому апологету II в. Юстину. Вопрос об этом (как и о четырех других) псевдоюстиновском произведении имеет долгую историю, на которой здесь не место останавливаться. Скажу только, что еще в начале XX в. Н. Фетисов высказал предположение о принадлежности трактата какому-то представителю антиохийской школы и датировал его IV в. н. э. ¹⁵ Гипотеза Фетисова частично подтверждается современными исследованиями. Два крупных западных специалиста по патристике, Й. Лебон ¹⁶ и Р. Сэллес ¹⁷, установили, что указанное

¹² Paulys Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart 1916, Bd. 9, S. 1197.

¹³ Le quatrième livre des Machabees/Introduction, traduction et notes par A. Dupont-Sommer. P., 1939, p. XII—XIII, 1—3, 33—56, 67—85.

¹⁴ Septuaginta id est Vetus Testamentum Graece iuxta LXX Interpretes/Ed. A. A. Rahlfs. Stuttgart, 1935, Bd. I, S. 1158—1161.

¹⁵ Фетисов Н. Диодор Таррский: Опыт церковно-исторического исследования его жизни и деятельности. Киев, 1915, с. 436—443.

¹⁶ Lebon J. Restitutions a Theodoret de Cyr.— Revue d'Histoire Ecclesiastique, 1930, t. 26, p. 536—550.

¹⁷ Sellers R. V. Pseudo-Justin's Expositio rectae fidei: A Work of Theodoret of Cyrus.— The Journal of Theological Studies, 1945, vol. 46, p. 145—160.

произведение принадлежит Феодориту Кирскому, т. е. действительно виднейшему деятелю антиохийской школы, хотя и более позднего времени (V в. н. э.). Выводы указанных исследователей в настоящее время общепризнаны в патрологической науке¹⁸. Сравнение греческого протографа «Изборника» с текстом произведения Псевдо-Юстина (т. е. Феодорита Кирского) в «Патрологии» Миня¹⁹ показало их почти полную идентичность; в «Изборник» вошла значительная часть (вероятно, больше половины) этого сочинения. Таким образом, доля сочинений Феодорита Кирского, широко представленного, как отмечает Жуковская²⁰, в «Изборнике» и известного в Древней Руси и по другим своим трудам, еще более увеличивается.

Наконец, третий пример: почти в конце «Изборника» (л. 223-б — 236-а) даются обширные эксцерпты из произведений Феодора Раифского. Жуковская по поводу их замечает, что они «даны через посредство Иоанна Дамаскина, хотя надписаны именем «Феодора пресвитера Раифского». Чуть ниже следует фраза: «Феодор Раифский излагал и интерпретировал Иоанна Дамаскина»²¹. Последнее предложение является, видимо, следствием типографической опечатки: Феодор Раифский — автор VI в. н. э. — не мог излагать и интерпретировать Иоанна Дамаскина, автора VIII в. н. э. Но и первая фраза требует верификации. Жуковская в данном случае, наверное, опирается на выводы болгарского ученого Б. Пейчева, чья книга недавно переведена на русский язык²². Но эти выводы, не базирующиеся на сравнительном анализе греческих текстов трактата Феодора Раифского и «Диалектики» Иоанна Дамаскина, совершенно беспочвенны. Действительно, для стиля работы Иоанна Дамаскина характерно включение в свои произведения обширных цитат (или даже целых произведений) из трудов предшественников, причем без упоминания самих авторов²³. Между некоторыми пассажами его «Диалектики» и «Приуготовлением» Феодора Раифского существует несомненное сходство, но это еще не означает, что Иоанн непосредственно заимствовал свои логические дефиниции из Феодора; возможны и посредствующие звенья²⁴. Повторяю, здесь необходимо тщательное сличение текстов, поиски возможных посредников, учет рукописной традиции и т. д.

Безусловно, все высказанные замечания отнюдь не умаляют значения вышеназванной статьи Жуковской, которая служит ценным руководством для исследователей «Изборника». Они только показы-

¹⁸ Altaner B., Stuiber A. Patrologie: Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg: Basel; Wien, 1978, S. 340; Quasten J. Patrology. Utrecht, 1960, vol. 3, p. 548.

¹⁹ Patrologiae cursus completus. P., 1857, t. 6, col. 1207—1240.

²⁰ Жуковская Л. П. Указ. соч., с. 38.

²¹ Там же, с. 39.

²² Пейчев Б. Философский трактат в Симеоновом сборнике. Киев, 1983, с. 48—49. Болгарское издание: Пейчев Б. Философский трактат в Симеоновия Сборник, София, 1977.

²³ Studer B. Die theologische Arbeitsweise der Johannes von Damaskus. Ettal, 1956, S. 14.

²⁴ Ibid., S. 105.

вают, какая большая и очень кропотливая работа по идентификации авторов и текстов, вошедших в данный памятник, еще предстоит.

Второй подвид проблем («содержательного» характера) связан преимущественно с вопросами мировоззренческого типа. В «Изборнике», помимо авторов библейских книг, широко представлены позднеантичные и византийские христианские писатели III—IX вв. н.э. Чтобы достаточно полно представить воздействие их через «Изборник» на древнерусскую культуру, требуется добротное знание духовного облика каждого из этих авторов, ведущих идейных мотивов их творчества, а также хорошее знакомство с конкретно-историческими реалиями, которые определяли данное творчество. Проблемы такого рода могут быть решены опять же только посредством сравнительно-типологического метода. Он, естественно, подразумевает выход из сферы «чистой русистики». Статьи В. Г. Брюсовой²⁵, М. Ф. Мурьянова²⁶, Я. Н. Щапова²⁷ и других советских исследователей дают в этом плане хорошие примеры для подражания. Но, думается, что на повестку дня скоро встанет уже необходимость не просто пробивки отдельных так называемых «исследовательских шурфов», а и серьезных монографических изысканий, посвященных либо отдельным авторам, либо группе авторов, вошедших в состав «Изборника». В настоящее время имеется лишь вышеупомянутая книга Б. Пейчева, в которой, к сожалению, отсутствует серьезный анализ византийского материала.

Таковы вкратце некоторые из большого количества проблем, связанных с изучением «Изборника Святослава», на которых, на мой взгляд, следует заострить внимание. Вне сомнения, подготовливающееся критическое издание этого выдающегося памятника древнерусской культуры позволит приступить к решению данных проблем.

READINGS IN MEMORY OF V. T. PASHUTO. THE SUMMARY

A conference in memory of a prominent Soviet historian V. T. Pashuto was held at the Institute of History of the USSR (the AS of the USSR), June 11—12, 1984. The theme of this conference — «Social and State Order of Old Rus' in Comparative-Typological Aspect» — corresponded to one of the major lines of research conducted by V. T. Pashuto who had devoted most of his life to examining socio-political history of Rus', the Southern Slavs and the Baltic region.

The gathering was opened by Academician A. L. Narochnitsky. Then Academician [M. V. Nechkina] characterized V. T. Pashuto as an organizer of historical researches. Academician A. L. Narochnitsky spoke about the basic works of V. T. Pashuto in the field of foreign policy of the Old Rus'. Academician A. M. Samsonov dwelt on the question of the major milestones of the scholar's career. V. D. Oscotsky and Yu. A. Andreev (Leningrad) paid attention to the contri-

²⁵ Брюсова В. Г. Толкование на IX притчу Соломона в Изборнике 1073 г.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст. М., 1977, с. 292—306.

²⁶ Мурьянов М. Ф. Статья Тита Бострского в Изборнике 1073 г.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г.: Сб. ст., с. 307—316.

²⁷ Щапов Я. Н. «Написание о правой вере» Михаила Синкелля в Изборнике 1073 г. и Древнеславянской кормчей Ефремовской редакции.— В кн.: Изборник Святослава 1073 г.; Сб. ст., с. 332—341.

bution of V. T. Pasnuto the problem of interaction of history and literature.

The following reports dealt with the three groups of problems: social and political history of Old Rus', the establishment and development of State in Rus' in its comparative-historical aspect, and the comparative-typological study of state-building in Europe.

The first group included the reports of A. P. Novoseltsev («Some Features of Statehood in Old Rus': Comparative-Historical Aspects. Formulation of a Problem») and M. B. Sverdlov (Leningrad) («Criteria of Progress in Studying the Social Order in Old Rus'»), both dealing with the social system of Old Rus' from historiographical, methodological and historical points of view. The reports delivered by G. G. Litavrin («Some Remarks on the Circumstances, Place and Time of Baptism of Princess Olga») and Ia. N. Shchapov («Formation and Development of Church Organization in Rus' from the End of the 10th to the 12th Centuries») shed light on the early periods of Christianization of Rus': the first covering the time when Christianity was still unable to establish itself as a state religion; the second witnessing an increasing alliance between the State interested in the imposition of monotheism and the Church. Ia. D. Isaevich (Lvov) characterized social terminology (from Hungarian and Old Russian sources) which reflected specific features of political system in Halich-Volyn as well as the attitude adopted towards this land in the neighbouring countries. N. F. Kotliar (Kiev) discussed the political situation in Kiev in the early 12th century as reflected in «The Tale of the Host of Igor». V. M. Beilis (Voroshilovgrad) investigated the data of Arabic sources on political unions of Slavs and other peoples of Eastern Europe in the 9th — early 10th cc. In the report «The New Facts to the Biography of Alexandre Nevsky» V. A. Kuchkin drew a conclusion that Alexandre's mother was Rostislava-Pheodosya, a daughter of Prince Mstislav of Toropetz. A. L. Khoroshkevič linked the name of the «Borovitskie» Gates in Moscow with the town of Borovsk and the efforts of Moscow to unite Russian lands under its aegis. S. V. Zavadskaia analysed the frequency of the term «boyar» in Old Russian and traced its possible evolution.

The second group of questions came under discussion in the report «The Emergence of State in Rus' and Scandinavia. Features of Semblance» presented by I. P. Shaskolsky (Leningrad) who outlined the typological likeness and relative synchronism of the process of state-building in the two regions. E. A. Mel'nikova and V. Ia. Petrukhin showed a close interrelation between functions of early urban centres in Old Rus' and Scandinavia and the emergence of state order, its development sealing fate of most of the «prototowns» in the end of the 10th—early 11th cc. G. V. Glazyrina and T. N. Jackson characterized typologically close institutes of «kormlenie» in Rus' and «veizla» in Norway. B. N. Florja examined the distinguishing features of material provisions of the Church in Old Rus' and in Poland; some of them spoke of semblance while others presumed divergence. N. I. Shchhaveleva treated the Old Russian social terminology and its deformation in foreign sources. V. F. Inkin (Lvov) drew a conclusion that some forms of Old Russian law had been preserved in Galicia for a long time (the «sled» — the pursuit of criminals). Basing his study on Old Russian and German sources, A. V. Nazarenko placed emphasis upon the problem of collective suzerainty in Rus' in the 10th—11th cc. as compared with the Kingdom of Franks and Scandinavia. L. S. Chekin analysed geographical descriptions of Rus' in West-European encyclopaedias and geographical treatises of the 12th—13th cc.

The third group of reports included the one by Iu. L. Bessmertny («International Relations in Early Mediaeval Western Europe and the Genesis of Feudalism») was devoted to the processes of ethnocultural synthesis which followed the settlement of Germanic tribes in Gaul. A. A. Svanidze showed the role of slavery in the system of social relationships in mediaeval Scandinavia. E. L. Nazarova noted elements pointing to the emergence of feudal institutions in the public life and in the habitual law of the Livs in the 10th—13th cc. R. K. Batura (Vilnius) localized a number of fortresses mentioned in the «Chronicon terrae Prussiae», and made a conclusion that the resistance put up by local population of the right bank of the Lower Neman to the aggression of the Teutonic Order was very staunch. A. I. Sidorov discussed the Greek protograph of the «Izbornik Sviatoslava» of 1073 and pointed out that it belonged to the genre of florilegium, which comprised texts of dogmatic, philosophical, and scientific character.